

Это был долгий процесс, относящийся вовсе не только ко времени вселенских соборов. «Очищения» христианства от античной философской мысли в период патристического богословия вообще не было достигнуто. Характерно, что даже у богословов VII в., например у Максима Исповедника, можно найти не только отдельные высказывания в платоновском, аристотелевском и новоплатоновском духе, но и обширное компилятивное сочинение «*Loci communes*» («Общие положения»),⁹ состоящее из прямых текстов Платона, Аристотеля, Демокрита, Гераклита, Ксенофонта, Фалеса, Пифагора, Менандра, а также, конечно, и отцов церкви, предшествовавших Максиму Исповеднику. Эти тексты древних мыслителей сведены Максимом Исповедником в группы, соответственно основным положениям христианства, что позволяет судить как о том, что христианство опиралось на авторитет античных мыслителей, так и о том, какими источниками пользовалось христианство при разработке своих основных положений.

Элементы античной мысли были окончательно уничтожены в христианстве теми поколениями богословов, которые действовали в эпоху развитого средневековья. Примером такого богословия у нас могут служить сочинения Иосифа Волоцкого.

Замечательно, что в то время, когда усилиями богословов было покончено с элементами античной мысли, которыми пользовалась ранняя патристика, прогрессивные общественные течения средних веков и начала нового времени, еретические и гуманистические течения обнаружили отложения античной мысли в патристике и немало сделали для выявления их и для очищения их от церковной догмы.

Не все, что было заимствовано патристикой в философских учениях Греции, представляло для прогрессивных общественных течений XV—XVI вв. одинаковый интерес. Наиболее важными для них оказались античный принцип нравственной свободы, принцип «ничего лишнего!», указывающий нравственную норму в том, что является естественно необходимым, античное учение о благе как верховном принципе бытия, наконец, античный философский пантеизм.

Уже сократовско-платоновская этика выработала представление о человеке как нравственной личности, обладающей свободным произволением в своих действиях и в выборе своего жизненного пути. Человек представлялся свободным в своих поступках, как и в своем разуме, и именно разуму как руководителю в поступках сократовско-платоновская философия отвела особое место: разум, добывающий подлинное знание, рассматривался как гарант в выборе человеком правильной линии поведения. Это учение, а также исходившая из этих же принципов «Этика» Аристотеля определили христианское учение о свободном выборе, или, как оно называется в памятниках древнерусской письменности, — о «самовластии души». Мы имеем возможность наблюдать за этим учением в самый момент принятия его христианством из античной философии. Вот это учение у одного из самых ранних (II в.) «отцов церкви» Иустина Философа. «Опять же, — пишет Иустин Философ, — если бы человек не имел способности со свободным произволением убежать порочного и избирать доброе, то он не был бы виноват ни в чем, чтобы ни делал. . . ибо человека создал бог не таким, как другие твари, например, дерева и четвероногие, которые не могут действовать со свободой. Иначе он не был бы достоин награды или похвалы, если бы не свободно избирал доброе, но был сотворен таким и не мог бы, если бы худ был, по справедливости быть наказан».¹⁰ Иустин здесь же го-

⁹ С. Migne. *Patrologiae cursus completus, series graeca*, t. XCI, стр. 722—1018.

¹⁰ Иустин Апология первая, в переводе П. А. Преображенского. Православное обозрение, 1862, июнь, стр. 81.